

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: БОНДАРЬ Н.С. РОССИЙСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И КОСМОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЛЛЮЗИИ

ЛЕОНИД ГАРРИЕВИЧ БЕРЛЯВСКИЙ,

*доктор исторических наук кандидат юридических наук,
профессор кафедры конституционного и муниципального права
Ростовского государственного экономического университета «РИНХ»
E-mail: berleonid1@gmail.com*

Проблемы российского юридического образования привлекают к себе самое пристальное общественное внимание, они давно стали предметом обсуждения в научном, преподавательском и экспертном сообществах. В частности, Президентом Российской Федерации издан Указ от 26 мая 2009 г. № 599 «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации»¹, что свидетельствует об особой государственной значимости профессиональной подготовки правоведов.

Вместе с тем, зачастую обсуждение этих проблем сводится к теме «юристов и экономистов», количественно преобладающих в составе современного студенчества. Данная тема представляется довольно надуманной, поскольку это профессии, наиболее тесно связанные как с рыночной экономикой, так и с развитием современного государства. Например, в США около двух процентов занятых в сфере экономики составляют те, кто оказывает юридические услуги, т.е. юристы. Примерно такой же удельный вес (около двух процентов) занимает доля юридических услуг в ВВП США (с. 7).

Среди других причин подлинного бума юридического образования последнего 20-летия можно назвать: стремление большей части абитуриентов овладеть правозащитными знаниями, умениями и навыками, реализовать впоследствии свое право на доступ к государственной службе. Сыграло определенную роль искусственное сдерживание роста юридических кадров в советский период, а также кажущаяся некоторым до сих пор «простота» освоения дисциплин юридического профиля. На одну из причин указал в одном из романов Д.А. Корецкий, описывая беседу криминальных авторитетов, один из которых советует своим соратникам отдавать своих чад на коммерческие отделения юридических факультетов, поскольку

это даст им возможность впоследствии работать в прокуратуре, других правоохранительных органах и оказывать практическое содействие своим родителям.

Н.С. Бондарю удалось избежать традиционных подходов к заявленной теме, поскольку его «авторская цель – привлечь внимание к нынешнему состоянию юридического образования как проблеме конституционной безопасности государства, общества, личности» (с. 9). В основу исследования положен аксиологический аспект, анализ конституционных ценностей, которые стали предметом изучения автора².

В главе первой (с. 14–22) юридическое образование как конституционная ценность рассматривается с точки зрения сочетания публичных и личностных начал. В публично-правовом плане юридическое образование, будучи включенным в общую систему профессионального образования страны, представляет собой важную сферу социальной государственности и одновременно – государственной политики по подготовке кадров для судебных, правоохранительных, иных государственных и муниципальных органов, субъектов хозяйственной деятельности и т.п. В этом качестве юридическое образование проявляет себя как составляющая одной из основ конституционного строя, институциональное средство кадрового обеспечения законности и правопорядка, защиты суверенной российской государственности.

В субъективно-личностном плане конституционная ценность юридического образования представлена автором как имеющая двуединые характеристики. Они связаны, с одной стороны, с самой природой получаемого человеком юридического образования как субъективно значимого для данного лица блага, являющегося результатом реализации этим лицом конституционного права на образование и во многом предопределяющего

социально-правовой статус данного лица в обществе и государстве как обладателя профессионально-юридических знаний, с другой стороны, речь идет об ориентации профессиональной юридической деятельности в первую очередь, на личность, защиту ее прав и свобод, составляющих высшую ценность российского конституционализма (ст. 2 Конституции РФ).

В развитие данных положений автора хотелось бы обратить внимание на ч. 1 ст. 48 Конституции РФ, согласно которой каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. Акцент Основного закона России на этом далеко не случаен, поскольку это одно из базовых прав и свобод человека и гражданина. При этом реализация данного права возможна только при участии субъекта, обладающего соответствующей квалификацией, установленной Конституцией. Иными словами, лица, оказывающие квалифицированную юридическую помощь, обладают рядом характеристик субъектов со специальным конституционным статусом.

Одна из таких характеристик – наличие высшего профессионального образования в сфере юриспруденции, вторая – квалификация, позволяющая выполнять правозащитные функции. Обе они имеют не только формально-юридические основания (наличие диплома о высшем юридическом образовании, статуса адвоката, нотариуса, сотрудника правоохранительных органов и пр.), но и содержательные, которые позволяют сделать вывод о том, насколько квалифицированной является юридическая помощь, оказанная гражданину, предприятию, государственному или муниципальному органу, общественной организации³.

Именно на содержательных характеристиках сосредоточил свое внимание автор рецензируемой работы, который обозначил наиболее болезненные проблемы современного юридического образования. Среди важнейших – противоречие между национальными традициями юридического образования и космополитическими устремлениями, которые были заложены Болонской декларацией, имевшей исключительно рекомендательный характер.

Н.С. Бондарь указывает на то, что каждое из крупных государств Евросоюза – Великобритания, ФРГ, Франция, Испания, Италия – подписывали документы с многочисленными оговорками, стремясь интегрировать в Болонский процесс собственные традиции с возможно меньшими для себя потерями. Более того, многие крупные негосударственные университеты вообще находятся вне Болонского процесса; он для них не имеет императивного, юридически обязательного значения. «Не потому ли в таких государствах (например, в ФРГ) подготовка юристов по программам

первого уровня (бакалавриат) осуществляется в своей основе лишь для... третьих стран; национальные же кадры проходят профессиональную юридическую подготовку (в среднем до 6 лет) по своим университетским программам со сдачей квалификационных экзаменов, стажировкой и т.д.» (с. 30–31).

Однако, с подписанием в 2003 г. документов о присоединении России к Болонскому процессу, ему фактически была придана обязательная сила для всех отечественных высших учебных заведений. Причина этого, как представляется, кроется в явлении, которое видный методолог и философ науки М.К. Петров назвал «научно-технической контрреволюцией», главным агентом которой он считал государство⁴. Государственные органы способны не только придавать импульс развитию науки и образования, но и выступать механизмом их торможения.

Автор отмечает, что поскольку теперь это требование закона, все обязаны его исполнять, пока закон сохраняет свое действие. Критическая оценка, по его мнению, необходима для понимания того, к каким последствиям, связанным с утратой наших национальных традиций в области юридического образования, можем прийти, если: а) не сможем минимизировать на практике разрушительные последствия внедрения этой системы в нашу национальную сферу юридического образования и б) не выработаем свою, национальную, доктрину юридического образования.

С точки зрения Н.С. Бондаря, национальное юридическое образование не вмещается в прокрустово ложе Болонского процесса, чему посвящена третья глава публикации. От традиций российского юридического образования совершенно целесообразно отказываться; переход на двухуровневую систему резко понизил качество обучения студентов-правоведов.

Водораздел между Болонской и нашей, национальной, моделями подготовки юристов проявляется в том, что на основе Болонского процесса кардинально меняется понимание самой сущности и целей юридического образования: на смену ориентирам, основанным на требованиях единства образования, науки и воспитания и осуществления на этой базе широкой, фундаментальной (в том числе гуманитарной) подготовки будущих юристов, приходит новая формула: юридическое образование – это процесс подготовки практикующего юриста как узкого специалиста в конкретной сфере правоприменения. Отечественная система образования предлагается, таким образом, принципиально новая мировоззренческая основа – философия юридического прагматизма (с. 38).

По поводу последнего утверждения хотелось бы подискутировать с автором. Как известно, ос-

новоположник ведущего направления в прагматизме – инструментализма – Дж. Дьюи не сводил все к абсолютизации практики, а развивал такие пути совершенствования эмпирического познания, как социальную реконструкцию, совершенствование мышления, применение к опыту глубоко разработанных научных методов «высоких технологий». Философия прагматизма была невероятно популярна в среде западных юристов, особенно первой половины XX в., в частности, классик американской конституционной юриспруденции Луис Д. Брандайз внимательно изучал сочинения Дж. Дьюи⁵. Однако, как «юрист для народа» Брандайз, так и его коллеги по Верховному суду США Оливер Холмс и Бенджамен Кардозо не остановились на философии прагматизма, а перешли к интенсивному развитию социологического направления в американской юриспруденции, в частности, правового реализма⁶.

В любом случае, отечественной системе образования навязывается как мировоззренческая основа не философия юридического прагматизма, имеющая собственную логику, а философия *юридического примитивизма*, для которой свойственны следующие характеристики:

- ориентация не на творческое, а на репродуктивное юридическое мышление;

- приоритет в образовательном процессе отводится не освоению фундаментальных юридических знаний, а развитию и тренингу практических профессиональных навыков и умений;

- подготовка к выполнению ограниченных профессиональных функций в сфере права. Как тут не вспомнить стряпчих в пореформенных российских судах, образы которых великолепно представлены в пьесах А.Н.Островского. От этих ходатаев по частным делам не требовалась высокая профессиональная квалификация, исполнение норм профессиональной этики, а зачастую и следование моральным устоям.

Особое место автор рецензируемой работы отводит правовой компаративистике и ее значению для интеграции юридического образования в международное образовательное пространство. Правовая компаративистика призвана выполнять важные функции двуединого характера. С одной стороны, это ярко выраженное информационно-мировоззренческое назначение; с другой, – в рамках отдельных тем и учебных дисциплин, ориентированных либо базирующихся на материале правовой компаративистики, безусловно, присутствует профессионально-образовательная составляющая. Хорошо известная юристам всех старших поколений дисциплина конституционного права зарубежных стран имеет, прежде всего, мировоззренческую направленность (с. 47,48).

Необходимость усиления внимания к сравнительному правоведению по мере развития общества обуславливается многими объективными и субъективными факторами. С объективной стороны это предопределяется самой природой и логикой исторической эволюции различных народов и стран, которые по мере развития науки, культуры, новых технологий, совершенствования производственных процессов и образования, объективно, помимо воли и желания (если таковые возникают) отдельных лиц или даже сообществ в историческом контексте не только не отделяются друг от друга, а наоборот, все более «переплетаются» друг с другом и сближаются. С субъективной стороны необходимость повышенного внимания к сравнительному правоведению обуславливается осознанием различными народами и странами своей общности со всем остальным мировым сообществом, пониманием ими важности и необходимости в своих собственных интересах развития разносторонних связей со всеми остальными народами и странами, а также пониманием пагубности для экономического, социально-политического и иного развития отдельно взятой страны, ее изоляции от других стран⁷.

Думается, что для современного компаративиста остается актуальной задача, поставленная основоположником отечественного сравнительного правоведения М.М.Ковалевским – изучать не столько ход развития законодательства, направленного на решение экономических и общественно-государственных вопросов, «сколько процесс развития той доктрины, которая была положена в основу развития этого законодательства»⁸.

На практике же курсы сравнительно-правового профиля в учебных планах современных юридических вузов и факультетов буквально единичны или вовсе исчезли. А ведь именно они призваны познакомить будущих юристов с юридическими механизмами ВТО, глобализацией в праве, правовыми системами современного мира.

В этой связи положение компаративистов сходно с ситуацией, в которой оказался уже упоминавшийся М.М.Ковалевский, будучи избранным в начале XX в. в состав Государственного Совета. Когда этот выдающийся правовед-компаративист упомянул в своей речи Б.Констана, председательствующий в Госсовете запретил ему говорить о революции. На замечание ученого, что цитируемый мыслитель не был революционером, последовал ответ: «Прошу мне не возражать и следовать моим указаниям»⁹.

Н.С. Бондарем выделены три оригинальные модели юриста. Однако, модель юриста советской эпохи, названная им как «*правоохранительно-криминальная*», была скорее моделью госслужащего широкого профиля при полном отсутствии

иных специальностей подобного рода в вузах. Юридическое образование советского времени прошло длительный, противоречивый путь развития¹⁰. Активный и достаточно проблемный процесс развития современного отечественного юридического образования заставляет нас внимательно всмотреться в истоки, эволюцию и традиции российской и советской высшей правовой школы. До настоящего времени остается актуальной поставленная в свое время Е.А. Скрипилевым задача – создать капитальный труд по истории советской юридической мысли. «Без правдивого, объективного освещения этой истории, чему должна предшествовать «инвентаризация» всего созданного в области юриспруденции, трудно понять, как мы оказались там, где мы находимся. А без этого немыслимо определить и перспективы развития»¹¹.

Пожалуй, наиболее значимым и востребованным работодателем в конце 80-х – 90-е гг. прошлого века оказался подход, связанный с выработкой «рыночно-цивилистической», предпринимательской модели юриста. При наличии позитивных ориентиров в такой подготовке юристов автор видит и очевидные издержки: цивилистическая модель юриста неизбежно базируется на приоритете частно-правовых ценностей (с. 41).

Одну из фундаментальных задач в аспекте реформирования юридического образования Н.С. Бондарь видит в переходе к конституционной модели современного юриста. «Она имеет конституционное обоснование во всех своих квалификационно-профессиональных характеристиках: в основе всех ее составляющих должны лежать конституционные ценности демократической правовой государственности России» (с. 44). Думается, что автор рецензируемой публикации прав, выделяя сердцевину конституционной модели – правозащитную деятельность юриста в разных сферах.

Автор со знанием дела анализирует проблемы подготовки юристов в условиях двухуровневой системы образования. С его точки зрения, первый опыт реализации магистерских программ по юриспруденции свидетельствует, что их подготовка во многих вузах превращается в профанацию: ведь в соответствии с нашим действующим законодательством степень «магистр юриспруденции» доступна для обладателя любого диплома бакалавра или специалиста, независимо от базового образования. Н.С.Бондарь задает риторический вопрос: «Не ведут ли такие «новации» к подрыву самих основ национального юридического образования?» (с. 35).

В этой связи хотелось бы обратить внимание на то, что понятие «магистр» фигурировало в проектах законодательных актов советского вре-

мени. В проекте постановления Совета Народных Комиссаров СССР «Об ученых степенях и званиях» для определения квалификации научных работников устанавливались две ученые степени: магистра (первая степень) и доктора (высшая степень)¹². В последующих обсуждениях степень магистра без разъяснения причин заменили на практически забытую в России в течение полувека степень кандидата наук (она предусматривалась еще университетским уставом 1863 г.)¹³.

Двухстепенная система (кандидат – доктор наук) учреждена постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 13 января 1934 г.¹⁴ и с тех пор остается неизменной. Кстати, первоначально Государственный ученый совет высказался за установление единой ученой степени – доктора наук. В архивах не удалось обнаружить каких-либо внятных объяснений перехода к двум ученым степеням. Можно предположить, что сталинское руководство искусственно решило установить иерархию в среде научной и творческой интеллигенции по типу: заслуженный артист – народный артист, даже в созданном после войны обществе «Знание» первоначально были также учреждены две категории: член-соревнователь – действительный член общества. Возможно, в качестве примера были избраны два вида членства в Академии Наук СССР.

До настоящего времени от ученой степени кандидата наук отказались все страны, где она длительное время имела место. Сейчас она сохраняется только в нашей стране, и это – явный анахронизм особенно в условиях перехода к двухуровневой системе образования, в которой в нашем случае явно присутствует лишнее звено: либо магистр, либо кандидат наук.

Н.С. Бондарем обозначен вопрос о государственном квалификационном экзамене. При резком снижении качества обучения этот вопрос рано или поздно приобретет особую актуальность. Однако, «это проблема заключительного этапа проверки знаний; она вторична по отношению к самому процессу обучения. Если не навести порядок в подготовке специалистов в системе обучения, может сложиться ситуация, когда на выходе и проверять-то будет нечего» (с. 37).

Кроме того, опыт США, Индии, Израиля и других стран свидетельствует, что сдача государственного квалификационного экзамена является основанием получения лицензии на право заниматься адвокатской (профессиональной юридической) деятельностью. Введение подобного экзамена неизбежно должно сопровождаться реформированием правового статуса юриста.

Одним словом, публикация Н.С. Бондаря «Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции

и космополитические иллюзии» является хорошим стимулом к дискуссии о путях и судьбах современного юридического образования в профессиональном сообществе правоведов.

¹ СЗ РФ. 2009. № 22. Ст. 2698.

² См.: *Бондарь Н.С.* 1) Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма, 2011. С.165–218; 2) Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. М.: Юрист, 2013.

³ Квалификация представляет собой оценку уровня качества оказанной юридической помощи, ее соответствие развитию современной правовой науки и практики.

⁴ Научно-техническая контрреволюция: стенограмма обсуждения книги В.П. Макаренко «Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К. Петрова как источник мысли» // Политическая концептология. 2012. № 2. С. 222–246.

⁵ *Strum P. Brandeis: Beyond Progressivism.* University Press of Kansas, 1993.

⁶ См.: *Берлявский Л.Г.* 1) Луис Брандайз и его роль в развитии конституционного права США // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2011. № 2 (8). С. 103–108; 2) *Вклад Л.Д. Брандайза в разви-*

тие конституционного права Соединенных Штатов Америки // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 2. С. 313–320.

⁷ *Марченко М.Н.* Сравнительное правоведение. Общая часть. М., 2001. С. 1, 2.

⁸ *Ковалевский М.М.* Происхождение современной демократии. Т. 1. М., 1895. С. VI.

⁹ Воспоминания М.М. Ковалевского // История СССР. 1969. № 5. С. 88.

¹⁰ См.: *Берлявский Л.Г.* 1) Кризисный период развития отечественного юридического образования (1917–1920 гг.) // Юридическое образование и наука. 2010. № 4. С. 17–20; 2) Возрождение отечественного юридического образования в 20-е – начале 30-х годов XX века // Юридическое образование и наука. 2012. № 3. С. 22–26; 3) Правовое положение научных работников и преподавателей высших учебных заведений в 1917–1920 гг. // Право и образование. 2010. № 9. С. 73–82; и др.

¹¹ *Скрипчев Е.А.* К разработке истории советского правоведения // Государство и право. 1992. № 12. С. 30.

¹² РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 486. Л. 130.

¹³ Подробнее см.: *Берлявский Л.Г.* Правовое регулирование науки и научной деятельности в Советском государстве (1917–1941 гг.). М.: Юрлитинформ, 2012. С. 156–158.

¹⁴ СЗ СССР. 1934. № 3. Ст. 30.